

60 лет косыгинской реформе

Реформировать нельзя разрушить: косыгинская реформа в контексте реформ и революций XIX–XXI веков

Юрий Валерьевич Латов

ORCID: 0000-0001-7566-4192

Доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
главный научный сотрудник, Академия управления МВД России
(РФ, 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)
E-mail: latov@mail.ru

Аннотация

60-летие так называемой косыгинской реформы 1965–1972 годов, направленной на улучшение советской экономики путем внесения в плановый институциональный механизм конкурентно-рыночных элементов, становится поводом для дедуктивного теоретизирования об общих закономерностях социально-экономических реформ и революций XIX–XXI веков в России и иных странах догоняющего развития. На основе концепций социологии революции (Ч. Тилли и др.) в статье рассматривается континуум бифуркационных социально-политических ситуаций, изменяющих правила игры, от обычной реформы до великой революции. Омечается высокая частота таких ситуаций в истории России последних двухсот лет как проявление институционального поиска, типичного для стран догоняющего развития. Чтобы «догнать и перегнать», избегая «великих потрясений», политические элиты таких стран стремятся заменить революции радикальными великими реформами («революциями сверху»). Революционные по своим последствиям, великие реформы хотя и имеют имманентные недостатки (воспроизводят этатизм), всё же могут решать задачи национальной модернизации. Первый недостаток реформы А. Н. Косыгина с такой точки зрения заключается в том, что она даже самими организаторами не была (возможно, не могла быть) четко осмыслена как великая — как решающая задачу смены пути развития национальной модели (с тотально-плановой модели, где доминируют институты власти-собственности, на модель смешанной экономики, где преобладает частная собственность). Второй, еще более важный ее недостаток — отсутствие стремления найти социальную опору среди потенциальных предпринимателей. Невнимание к социальным аспектам привело к передаче реализации идей реформы в руки государственного аппарата, интересы которого резко противоречили этим идеям. При отсутствии «давления снизу» такая реформа могла дать только ограниченные результаты, не меняющие путь развития.

Ключевые слова: социология революций, континуум социально-политических бифуркаций, великая реформа, власть-собственность

JEL: P31, Z13, B51, N00

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

Kosygin's Reform in the Context of Reforms and Revolutions of the 19th – 21st Centuries

Yury V. LATOV

ORCID: 0000-0001-7566-4192

Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,^a
e-mail: latov@mail.ru

^a 8, Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh ul., Moscow, 125171, Russian Federation

Abstract

The sixtieth anniversary of the Kosygin reform that was carried out from 1965 to 1972 has been the occasion for theoretical accounts of the characteristic patterns of Russian socio-economic reforms and revolutions from the nineteenth to the twenty-first century and also for comparisons with the way other countries have managed catch-up development and how their traditional and innovative institutions have interacted. The Kosygin reform attempted to improve the Soviet planned economy by introducing elements of market competition into it. Sociologist Charles Tilly's definition of revolution as a socio-political event that changes the "rules of the game" provides a guide for distinguishing such events along a continuum that ranges from ordinary reforms to major revolutions. The many instances of both circumstances in Russia during the last two hundred years is a manifestation of the typical groping ahead by institutions in countries undergoing catch-up development. The political elites of these countries have tried to replace revolutions with intensive and radical reforms ("revolutions from above") in order to "catch up and overtake" while avoiding "great upheavals." Although radical reforms may have certain shortcomings that are integral to them, such as fostering a dichotomy between a weak populace and a strong state, they may still have revolutionary outcomes and provide solutions for the problems of national modernization. The first shortcoming of the Kosygin reform from this point of view is that it was not (or could not be) clearly perceived even by its advocates as a far-reaching way to modify the Soviet Union's model of national development from a totally planned economy dominated by institutions that had consolidated power and ownership to a mixed economy with substantial private property. The second and even more important shortcoming was a reluctance to garner social support from potential entrepreneurs. Inattention to this social dimension of reform meant that the implementation of any new ideas was relinquished to the existing state apparatus, whose interests contrasted sharply with them. In the absence of "pressure from below," reform could have only limited results that did not materially change the course of development.

Keywords: sociology of revolutions, continuum of socio-political bifurcations, great reform, power-property

JEL: P31, Z13, B51, N00

Введение

История России последних примерно полутора столетий — это почти непрерывная череда глубоких реформ и взрывных революций (а также во многом близких к ним по последствиям контрреформ и контрреволюций). Их количество превышает десяток, так что любой россиянин XX века за свою жизнь пережил несколько крутых поворотов. И нет никаких гарантий, что этот долгий «бег с препятствиями» для России завершен. Хотя не раз утверждалось, будто наша страна «исчерпала лимит на революции» (см., например, [Зюганов, 1993. С. 77]), но это — лишь благое пожелание, ведь никакого такого лимита ни у одной страны мира нет. Поскольку крутые повороты почти наверняка находятся у россиян не только в прошлом, но и в будущем, давно назрела (и даже перезрела) необходимость теоретического осмысления общих закономерностей таких процессов.

Отмечаемое в 2025 году 60-летие так называемой косыгинской реформы — хороший повод, чтобы на этом конкретном примере рассмотреть некоторые общие закономерности реформ и революций в нашей стране. Обсуждение этой реформы гораздо менее политизировано, чем большинства других, что повышает его объективность. Реформа 1965–1972 годов проходила недавно и в то же время достаточно давно, чтобы ее обсуждение сохраняло актуальность и одновременно ее подводные камни успели обнажиться.

Обсуждение — чаще всего в относительно узком контексте советской экономической истории — реформы, связываемой с именем тогдашнего председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, ведется не одно десятилетие. Оно всегда носит явно или скрыто сравнительный характер, поскольку эта реформа сопоставляется в первую очередь с горбачёвскими и ельцинскими (гайдаровскими) реформами, по отношению к которым она была то ли предтечей, то ли антитезой. Это обсуждение замыкается на двух взаимосвязанных основных вопросах, полярные варианты решения которых (и одновременно полярные варианты определения сущности этой реформы) сформулированы в заглавии введения к одному из сборников юбилейных обсуждений — «Шанс, клапан, успех, иллюзия?..» [Упущенный шанс.., 2017. С. 5]. Первый вопрос — поиск ответа, давала ли косыгинская реформа шанс на мягкое (не как в России 1990-х, а по образцу Китая 1980-х) преобразование советской экономики или это был не более чем «последний клапан» (по аналогии со столыпинской реформой 1907–1911 годов, как назвал ее Ленин), в лучшем случае немного продливший жизнь

обреченной на гибель советской социально-экономической системы. Второй вопрос — определение степени успешности косыгинской реформы с точки зрения если не развития советской системы в целом, то хотя бы по меркам самих конструкторов реформы (удалось ли им добиться хотя бы временного успеха или официальные достижения той реформы были не более чем статистической иллюзией).

Искать ответы на эти два основных вопроса можно как индуктивным (от эмпирики к теории), так и дедуктивным (от теории к эмпирике) путем. Для осмысления косыгинской реформы как элемента длительных модернизационных процессов предпочтительнее второй путь. Он неизбежно будет во многом умозрительным, поскольку предполагает конструирование теоретического образа российской модернизации в целом, в то время как эта модернизация не завершена, а потому и не может быть ее завершенной теории. Однако хотя бы в форме научного эссе, опирающегося на предыдущие теоретические разработки¹, этот путь можно реализовать. Для этого сначала предпринята попытка сформулировать наиболее общие теоретические подходы к изучению реформ и революций, затем — закономерности реформ/революций в ходе российской модернизации, и только после этого речь пойдет о сравнительных качественных характеристиках косыгинской реформы как этапа долгосрочных модернизационных процессов.

1. Теория реформ как элемент теории революций

Доминирующий дискурс обсуждения в отечественной науке не только косыгинской, но и любых других реформ хорошо сформулирован в статьях [Белых, Мау, 2020. С. 2–3; 2023. С. 83], где повторяется следующее развернутое определение: «Реформы всегда рассматривались как альтернатива революций. При этом существование теории революций у исследователей никаких сомнений не вызывает... Однако с теорией реформ ситуация не такая простая. Революции означают неконтролируемый слом старых институтов и замену их новыми. Они могут возникать относительно спонтанно, порой даже неожиданно. В этом смысле революционные изменения относительно проще поддаются анализу. Реформы осуществляются путем управляемой транс-

---

¹ Излагаемая далее концепция опирается на совместные научные работы Рустема Махмудовича Нуреева и Юрия Валерьевича Латова 2000–2010-х годов, в которых была сделана попытка комплексно теоретически осмыслить социально-экономические закономерности эволюции российской цивилизации на основе синтеза институциональных, формационных и компаративистских подходов. Подход к интерпретации косыгинской реформы как упущенной бифуркации был ранее изложен в [Латов, 2015; Латов, Нуреев, 2016].

формации существующих институтов, для проведения реформ необходима подготовка, создание более или менее подробного плана действий. Эти планы могут быть недостаточно проработанными, и осуществляться они могут с разной степенью эффективности. В связи с этим реформы всегда более индивидуальны, чем революции, поэтому построить теорию реформ сложнее».

В этих рассуждениях не со всем можно согласиться. Главное возражение заключается в том, что антитеза «реформа как управляемая трансформация — революция как неконтролируемый слом» сомнительна даже по чисто формальным основаниям. Где и когда, спрашивается, была такая спонтанная революция, которую никто не готовил и не контролировал? Историкам известны, конечно, стихийные бунты (как, например, в Новочеркаске в 1962 году), но они никогда сами по себе ни в какие революции не переходили. Любая революция предполагает обязательное наличие организаций, которые готовят и осуществляют революционные действия по заранее намеченным планам (пусть даже такие организации формируются на волне стихийных бунтов, как в Париже в июле 1789 года или Петрограде — в феврале 1917-го). Обычно таких организаций много, так что революция оказывается не только борьбой революционеров со старым режимом, но и противостоянием разных групп революционеров, имеющих различные планы на будущее нации. Сугубая плановость и управляемость реформ — тоже скорее идеальный образ, чем отражение действительности (достаточно вспомнить радикальные рыночные реформы в России начала 1990-х годов).

Реформа и революция не являются полярно альтернативными процессами. Не случайно в российской науке давно используется термин «революционная реформа» (для обозначения, например, преобразований Петра I), которым называют слом старых институтов и замену их новыми без смены политической власти. А в англоязычной литературе широко используется термин *quiet revolution* (тихая революция)², которым обозначают радикальные институциональные изменения без применения вооруженного насилия. В терминах общей теории систем классическая (мирная) реформа и классическая (с вооруженным насилием для свержения старого режима) революция — это разновидности точек бифуркации, когда общество стремится перейти из одного системного состояния в другое, изменить правила игры. Точки бифуркации

² Этот термин изначально был связан с событиями 1960-х годов в Канаде, где франкоязычное население Квебека смогло мирными методами социального протеста добиться резкого усиления автономии региона и ряда других демократических социально-экономических изменений. Впрочем, есть мнение, что «первой современной революцией» — практически бескровной и одновременно открывшей дорогу комплексу радикальных институциональных инноваций — была уже Славная революция 1688 года в Великобритании [Пинкус, 2017].

(ситуации выбора альтернативных вариантов дальнейшего развития) возникают в обществе в общем-то непрерывно (например, можно принять какой-то новый закон или его отвергнуть). Но большинство из них связано с развитием общества внутри коридора возможностей, заданных существующим аттрактором (путем развития), и лишь некоторые — со сменой аттрактора (качественным изменением целей и/или методов, трансформирующих путь развития)³.

Теория реформ и революций — междисциплинарное поле научных дискурсов. В западном обществоведении в этом обсуждении главную роль играют специалисты по исторической социологии. Базисными считаются сформировавшиеся в 1970-х концепции американских историков-социологов Чарльза Тилли [Тилли, 2019] и Теды Скочпол [Скочпол, 2017]. Их труды, ставшие основой современной западной традиции анализа революций, удачно дополняли друг друга, поскольку первая концепция являлась общей теорией революционных политических процессов, а вторая — теоретической интерпретацией трех великих революций (французской в XVIII веке, российской и китайской — в XX веке).

Российское обществоведение в изучении революций и реформ пошло другим путем. Поскольку историческая социология в нашей стране до сих пор относительно слабо развита, то обсуждение бифуркаций в развитии общества возглавили в первую очередь экономисты [Белых, Мау, 2020; 2023; Мау, 2017; Попов, 2004; Стародубровская, Мау, 2001], опираясь на эмпирические материалы и обобщения историков (например, в замечательном четырехтомнике «Реформы в России с древнейших времен до наших дней» 2016 года). Такой акцент привел к тенденции, с одной стороны, резко противопоставлять «хорошие» экономические реформы «опасным» революциям, с другой — выдвигать во главу угла вопросы целей и методов экономической модернизации в ущерб вопросам ее социальных механизмов и субъектов⁴. Давно пора добавить к историко-экономическим подходам подходы историко-социологические, акцентирующие внимание на массовых социальных акторах модернизации.

---

³ Например, в СССР смена в 1950-х годах правления И. В. Сталина правлением Н. С. Хрущёва была внутрисистемной бифуркацией, а приход к власти М. С. Горбачёва в 1985 году — началом межсистемной бифуркации.

⁴ В то же время есть и более взвешенное мнение, что любые попытки теоретически обосновать преимущества реформ по сравнению с революцией носят внеисторический характер, поскольку «благоразумная Реформа и взбалмошная, отчаянная Революция — проявляют свой нрав в зависимости от страны, времени и обстановки» [Журавлев, 2016. С. 665].

Для построения общей типологии бифуркаций в развитии общества воспользуемся моделью Тилли [Тилли, 2019. С. 272] (см. рис.). В ней удачно показаны два главных критерия построения континуума бифуркаций: это, во-первых, желаемые и достигаемые результаты (цели) социального «смещения» и, во-вторых, ведущая к «расколу» общества социальная напряженность (ситуацию, когда «верхи не могут, а низы не хотят», американский социолог, тяготеющий к постмарксизму, обозначал восходящим к работам Ленина термином «революционная ситуация») как своего рода плата общества за «смещение». В результате мы видим широкий континуум ситуаций от минимума возможностей сменить аттрактор национального развития при минимуме издержек (в левом нижнем углу) до максимума возможностей при максимуме издержек (в правом верхнем углу).

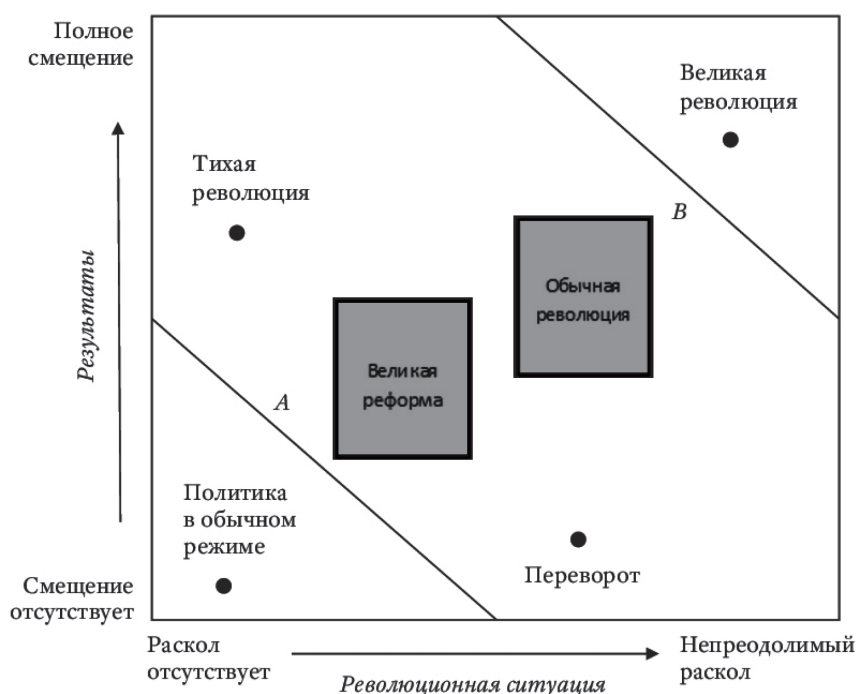

Рис. Континуум состояний общества, связанных с разными вариантами социально-политических бифуркаций (модель Тилли с дополнениями)

Fig. Continuum of States of Society Under Different Socio-Political Bifurcations (Tilly's Schema With Modifications)

Между «политикой в обычном режиме», когда без всяких социальных расколов воспроизводится существующая институ-

циональная система, и «великой революцией», когда резко меняющееся общество раскалывается на противоборствующих сторонников и противников коренных изменений, есть обширное пространство промежуточных вариантов. В частности, кроме великих революций есть — дополняя схему Тилли — также обычные (не великие) революции, как, например, революция 1830 года во Франции, а также революционные по своим результатам великие реформы, как в Российской империи в 1860-х годах⁵. При этом вполне возможны великие реформы, более значимые по своим последствиям (институциональным «смещениям»), чем обычные революции.

Надо также учитывать, что развитие общества часто происходит в режиме «два шага вперед, шаг назад», так что даже самые великие революции могут потерпеть поражение (как, например, западноевропейские революции 1848–1849 годов) или смениться через некоторое время реставрацией (как это было с реставрацией Стюартов в Англии в 1660 году или Бурбонов — во Франции в 1815-м)⁶. При наступлении реставрации/реакции результаты бифуркационных событий оказываются частично отыграны назад, но обычно лишь на время. В следующем раунде качественных перемен революционные завоевания возвращаются, причем с меньшими жертвами, поскольку общество учитывает свой предыдущий опыт⁷.

В рамках общей теории революций и реформ принципиально важно не путать два разных значения термина «революция», оба восходящих к марксизму. В одном случае речь идет, пользуясь марксистской терминологией, о революции в общественном базисе (то есть о радикальных институциональных изменениях в социально-экономической сфере — в производительных силах и

---

⁵ В данном эссе принципиально не рассматривается различие между социально-политическими и социально-экономическими реформами/революциями, поскольку такая грань тоже может быть лишь условной (любые политические процессы в конечном счете экономически обусловлены и обязательно проецируются на экономику).

⁶ Определение бифуркационного события как революции или контрреволюции (реформы или контрреформы) существенно зависит от идеологических предпочтений и объективно определяется лишь спустя значительный промежуток времени, когда полностью проявляются все прогрессивные и регрессивные последствия события. В качестве примера можно сослаться на «консервативный поворот» в России 2012 года, который получает противоположные оценки, хотя нет сомнений, что его очень существенные результаты (в том числе экономические) выводят данную бифуркацию за рамки обычных реформ.

⁷ Для минимизации расколов общества в новых раундах политических конфликтов радикальные институциональные изменения нередко происходят при сохранении старых форм. Например, в ряде стран мира, включая Великобританию и Японию, после буржуазных революций сохранилась монархическая форма власти, но в форме конституционной монархии, когда наследственный монарх играет чисто церемониальную роль. Нечто похожее произошло и с социалистической идентичностью в КНР: официально сейчас в этой стране — «социализм с китайской спецификой», но фактические правила игры не сильно отличаются от институтов постсоветской России, резко отринувшей социалистическую идеологию.

производственных отношениях), в другом — о революции в общественной надстройке (в социально-политической сфере). Это, по существу, те же два измерения схемы Тилли — революционные результаты и революционная ситуация. Революционные институциональные результаты в принципе возможны и без революционной ситуации, без раскола общества на противоборствующие социальные группы, именно это и можно считать идеальной великой реформой. Возможно и противоположное, когда политическая революция приводит к персональной смене политической элиты, практически не изменяя общих правил игры (то есть революция оказывается лишь переворотом).

В современной России, где своего рода идеей фикс стала политическая стабильность, политические революции как способы разрешения конфликтов решительно отвергаются во многом из-за стойких ассоциаций таких революций с вооруженным насилием и большими человеческими жертвами. Но надо учитывать, что в современных условиях политические революции с массовым участием населения стали возможны и практически без жертв (достаточно вспомнить распад СССР). Неоднозначные результаты «антисоциалистических» революций рубежа 1980–1990-х и цветных революций 2000–2010-х годов привели к их едва ли не демонизации как результата тайного влияния Запада, под зловредным воздействием которого только усиливаются национальная нестабильность и несамостоятельность. Не обсуждая противоречивые результаты этих политических катаклизмов, нужно подчеркнуть лишь, что перехват власти в революциях последних десятилетий почти всегда происходил с минимальными жертвами, совершенно не сопоставимыми с аналогичными событиями XIX–XX веков.

Относительная бескровность новейших политических революций отразилась в изменении их определений. Российские противники революций неявно апеллируют к их определению по Сэмуэлю Хантингтону: «Революция — это быстрая, фундаментальная и *наси́льственная* (курсив мой. — Ю. Л.), произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей... общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [Хантингтон, 2004. С. 269]). Раз речь идет о революционном насилии, то без больших жертв вряд ли обойдется. Но в современных социальных науках больше принято определение Джека Голдстоуна: революция — «это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституциона-

лизированными <то есть протестными> действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун, 2006. С. 61]. Как видим, из определения революции полностью ушли ссылки на насильственные действия при антиправительственной мобилизации протестующих масс. В обоих определениях, к сожалению, не подчеркивается, что преобразования политических институтов по своей значимости вторичны в сравнении с экономическими преобразованиями, так что критерием результативности любых бифуркационных событий является наличие/отсутствие вследствие них изменения социально-экономических правил игры и роста общественного благосостояния.

Можно ли утверждать, что в рамках модели Тилли разница между реформой и революцией совершенно отсутствует? Нет, она — пусть и относительно условно — существует. Но это различие связано не с антитезой «неконтролируемый слом — управляемая трансформация», а с различиями в направленности мобилизации масс. В самом первом приближении при революции массовые действия направлены *против* существующей власти, противящейся переменам, а при реформе — *в поддержку* власти, инициирующей перемены. Конечно, на практике представители власти никогда не становятся целиком на сторону перемен, к тому же понимание перемен у власти и у народа чаще всего разное. Поэтому общим правилом является скорее сочетание даже при реформах протестных и поддерживающих массовых действий⁸.

2. Особенности реформ и революций в странах догоняющего развития

Изложенное теоретическое введение характеризует реформы и революции как универсальные политические и экономические феномены развития обществ, сознательно нацеленных на комплексный прогресс. Эта «стрела времени» (если воспользоваться термином бельгийского физика Ильи Пригожина) как органичный элемент картины мира формируется в новое время сначала в культуре западноевропейской цивилизации, а потом транслируется во все остальные, включая российскую. Но в разных цивилизациях эти закономерности проявляются существенно по-разному.

В западноевропейских странах полоса революций (великих и обычных) протянулась на полтора столетия — с революции

---

⁸ При обсуждении реформ часто можно встретить упрощенное их понимание как совершенно нефундаментальных (в отличие от революции) изменений правил, которые не затрагивают основ существующей институциональной системы и вводятся законодательным путем. Это определение тоже возможно, но такие заведомо не великие реформы (реформы в узком смысле слова) есть часть «политики в обычном режиме». Поэтому приведенное определение не охватывает все виды реформ.

1775–1783 годов в Соединенных Штатах⁹ до революции 1931–1939 годов в Испании¹⁰. После этого бифуркации происходили почти исключительно в режиме реформ разного калибра (включая, например, реформы Франклина Рузвельта в США 1930-х годов или Сальтшебаденское соглашение в Швеции в 1938 году, имеющие черты великой реформы). В России полоса удачных и неудачных революций началась в 1825 году и до сих пор, два века спустя, вряд ли завершилась (последняя однозначная (контр)революция связана с распадом СССР в 1991 году). Наша страна в этом не уникальна. Многие страны догоняющего развития (с востока на запад — Южная Корея, Китай, Египет, Венесуэла...) демонстрируют в XIX–XXI веках похожие черты развития через череду революций и крупномасштабных реформ. Хотя по их общему количеству Россия, возможно, превосходит любую из этих стран: за последние 200 лет не было такого поколения, которое не пережило хотя бы один крутой поворот. Такие различия в эпохах и длительности «полосы революций» связаны в первую очередь с различиями между пионерным и догоняющим развитием в рамках модели трех эшелонов развития капитализма по Александру Гершенкрону [Гершенкрон, 2015].

Концепция догоняющего развития сформировалась еще в первой половине XIX века, когда догоняющими по отношению к передовой Великобритании были даже почти все другие западноевропейские страны. Именно тогда появилась идея (например, у Фридриха Листа), что догоняющие страны должны ставить долгосрочный социально-экономический и политический суверенитет выше текущей экономической эффективности и быть готовыми идти на временные жертвы. Полвека спустя эта идея была дополнена политической практикой (прежде всего в Соединенных Штатах, Германии и Японии, если смотреть с запада на восток), продемонстрировавшей, что государство вполне может ради национальной модернизации проводить революционные по своему значению социально-экономические и иные реформы. Вряд ли можно сомневаться, что на Великие реформы 1860-х в императорской России эти дискурсы (идеи радикальных реформ) и события (практики таких реформ) тоже повлияли.

В результате во второй половине XIX века под влиянием успехов реформ Александра II, Бисмарка, Линкольна и Мэйдзи сложи-

---

⁹ Крупные национальные революции были и раньше (достаточно назвать голландскую революцию XVI века и две английские революции XVII века), но они были исключительными событиями, а с конца XVIII века революции в истории стран западноевропейской цивилизации становятся частыми.

¹⁰ Самым последним крупным революционным событием в западноевропейских странах считается молодежная революция 1968 года. Нет сомнений, что это — крупномасштабные протестные выступления, но их цели (желаемые результаты) были не вполне ясны даже самим активистам протестов, так что называть те бунты революцией можно скорее метафорически.

лось мнение, что революционная по своим результатам великая реформа, осуществляемая сплоченным коллективом реформаторов, является отличной альтернативой дестабилизирующим нацию политическим революциям. На самом деле даже эти, казалось бы, явно успешные великие реформы были сопряжены с немалыми жертвами, поскольку сильные социальные расколы неизбежно выливались в силовую междоусобицу. Наиболее бескровными оказались Великие реформы в императорской России, хотя избежать вспышки крестьянских бунтов с их расстрелами не удалось и здесь. В США дело дошло до Гражданской войны 1863–1865 годов между Севером и Югом; в Германии своеобразной формой гражданской войны стал военный конфликт 1866 года между Пруссией и Австрией; гражданскую войну 1868–1869 годов пережила во время революции Мэйдзи Япония. К тому же все эти великие реформы пришлось долго «доделывать», так что Россия и Германия революций всё же не избежали. Тем не менее успех явно был, породив у марксистов концепцию «революции сверху»¹¹ — пусть незавершенной, но, несомненно, прогрессивной (см. [Эйдельман, 1989]). Поскольку из четырех стран, проводивших в XIX веке великие реформы («революции сверху»), три в XX веке вошли в число самых передовых в мире, это доказывало преимущества именно таких методов модернизации, решавших основные задачи национального догоняющего развития успешнее, чем «революции снизу». Что касается России, где великие реформы Александра II и Столыпина так и не смогли предотвратить великих революций 1905 и 1917 годов, то ее можно было до поры считать досадным исключением из правила.

Второе рождение дискурс догоняющего развития пережил во второй половине XX века, когда речь пошла об объяснении систематического отставания от стран ядра капиталистической мир-системы уже почти всех восточных (незападноевропейских) стран, включая Россию. Неуспех «социалистического эксперимента» как способа преодоления отставания привел к четкому осознанию, что сколько-нибудь универсального метода найти не удалось — ни через революции, ни через реформы. Немногочисленные переходы от догоняющего к опережающему развитию (хронологическая триада примеров успеха — Япония, Южная Корея, Тайвань, — сформировавшаяся в 1960–1970-е годы) остались уникальными. Сохранение (а временами и нарастание) отставания стран третьего эшелона развития капитализма от стран первого и второго эшелонов — главная причина регулярного макроэкспериментирования, попыток найти

---

¹¹ Начальные элементы трактовки крупномасштабных радикальных правительственных реформ как «революций сверху» находят в рукописи Фридриха Энгельса «Роль насилия в истории» [Энгельс, 1961. С. 449, 468] применительно к оценкам реформ Бисмарка в Германии.

способ если не перегнать страны ядра, то хотя бы их догнать или сократить разрыв с ними.

Про трудности попыток «догнать и перегнать» есть огромный массив научной литературы, давно сформировалась своего рода междисциплинарная «девелопментология», объединяющая экономику развития (Development Economics), социологию развития (Sociology of Development) и т. д. Не занимаясь разбором подходов к объяснению причин отставания и путей его сокращения/преодоления, обратим внимание только на аспекты, связанные с проблематикой бифуркационных событий — реформ и революций.

Даже на примерах великих реформ второй половины XIX века («революций сверху») было заметно, что когда государство оказывается альфой и омегой национальной модернизации, это порождает двойственные эффекты. На первых порах заметнее преимущества: если радикальную реформу возглавляет лидер государства, то ее акторами становится вся государственная бюрократия. Согласен с реформой чиновник или нет — он будет ее выполнять хотя бы ради сохранения своей должности. Явный саботаж реформы государственным аппаратом возможен только при каких-то особых обстоятельствах (власть лидера-реформатора ограничена, вертикаль власти ослаблена и т. д.). Но по мере развития событий всегда начинают быть заметны органические недостатки «революций сверху».

Функция полезности государственного аппарата всегда отличается от функции полезности общества. В частности, государство заинтересовано в росте контролируемых территорий, в то время как для реформируемого общества переключение с внутренних реформ на внешнеполитические успехи может быть опасным. Если Соединенные Штаты империалистической политикой увлекались до второй половины XX века относительно умеренно, то для Германии и Японии военная агрессия стала главной формой демонстрации успеха модернизации. Сначала это давало отличный результат, но в первой половине XX века привело к катастрофическим военным поражениям и национальным шокам. Хуже всего получилось у императорской России, поражения которой в Русско-японской и Первой мировой войнах стали триггерами великих революций 1905 и 1917 годов.

Даже если государство-реформатор не увлекается военными успехами и более-менее корректно воспринимает объективные потребности национального развития, всё равно «революция сверху» одновременно и подталкивает модернизацию, и тормозит ее. Высшая цель модернизации — формирование высокоразвитого гражданского общества, способного к самоуправлению, которое полностью или частично передает подконтрольным государствен-

ным служащим только определенные сферы (внешнюю политику, внутреннюю безопасность, образование, медицину, транспорт и т. д.), связанные с производством общих благ. Взаимоотношения государства-реформатора и гражданского общества обречены на противоречия, особенно если традиции самоуправления слабы (что как раз типично для «восточных» обществ, включая Россию). Государство-реформатор должно быть достаточно сильным, чтобы навязывать жителям страны новые и далеко не всегда сразу результативные правила игры, преодолевать сопротивление несогласных с реформами, но в то же время оно должно стремиться к отказу от навязывания, к максимальной передаче полномочий гражданам. На примере постсоветской России хорошо видно, что это противоречие реализуется по модели маятника: когда высшая власть предлагает местным властям «брать столько суверенитета, сколько сможете», это ведет к дезинтеграции общества; когда же восстанавливается жесткая управленческая вертикаль, это ведет к атрофии самоуправления. Нельзя создать гражданское общество, если нет граждан, но формирование гражданского самосознания и навыков тормозится традицией «азиатского» этатизма, когда «государство сильнее общества» [Виттфогель, 2024. С. 68]. Это — одна из проекций противоречия между институтами власти-собственности и частной собственности, красной нитью проходящего через всю историю России. Парадоксально, что чем более успешно отчужденное от граждан государственное управление, тем менее граждане чувствуют необходимость и желание его ограничивать и контролировать, поэтому после периодов успешности нередко следуют катастрофические провалы, убеждающие в опасности абсолютизации этатизма. Из этого противоречия нет быстрого выхода; чтобы найти золотую середину между крайностями, нужны многие десятилетия.

Поскольку реформистский путь модернизации дает странам догоняющего развития ограниченные результаты, велик соблазн заменить реформы «революциями снизу». Популярность революций с социалистическими лозунгами пошла на спад (Боливарианская революция в Венесуэле в 1998 году стала последним на данный момент макроэкспериментом такого рода), зато выросли возможности исламских и цветных (под общедемократическими лозунгами) революций. Проблема в том, что поскольку нет явных путей решения задач догоняющего/перегоняющего развития в развивающихся странах, то опора революционной власти на массовую поддержку населения не дает ей в долгосрочном периоде качественных преимуществ перед свергнутой властью. В результате то, что сначала казалось революцией, часто объективно оказывалось (по модели Тилли) скорее переворотом. В истории мно-

гих стран Латинской Америки и Африки в XIX–XX веках были длинные периоды, когда внутренняя политика превращалась в череду переворотов, а уровень национального развития в лучшем случае не изменялся.

3. Косыгинская реформа как неудачный подход к великой реформе

После длинных общетеоретических рассуждений разбор самой косыгинской реформы будет относительно коротким, поскольку правильно поставленный вопрос уже содержит половину ответа. При этом автор настоящего эссе принципиально уходит от обсуждения, насколько (не)удачными были конкретные мероприятия косыгинской реформы и что именно можно было бы сделать лучше. Эти вопросы важны, но это «технические» вопросы. Для понимания любых бифуркационных перемен гораздо важнее более общие вопросы — об их целях и акторах (движущих социальных группах).

Обсуждение бифуркационных событий слишком часто происходит в таких дискурсах, когда за деревьями плохо виден лес. При этом идеальная реформа мыслится как «Минимально Необходимое Воздействие» (термин из знаменитого фантастического романа Айзека Азимова «Конец Вечности»): нужно внести какое-то тщательно продуманное точечное изменение (принять новый показатель оценки, что-то разрешить или запретить, вбросить новую идею, привести к власти новатора...) — и общество станет развиваться качественно иначе. Но в реальном развитии общества эффект бабочки несомненен в краткосрочном периоде, однако сомнителен в долгосрочном. История демонстрирует, наоборот, что когда формируется массовый запрос на определенные перемены, то благоприятные субъективные возможности для них появляются одна за другой. Когда же такого массового запроса нет, то даже исключительно благоприятные субъективные возможности создают затухающие эффекты¹².

Прежде всего, каков был объективный запрос на перемены в СССР 1960–1970-х годов? С современной точки зрения видно, что 1960-е были зенитом советского общественного строя, по-

---

¹² Иллюстрацией может быть, например, история Реформации. Для победы реформаторов католической церкви в начале XV века в Чехии сложились исключительно благоприятные субъективные предпосылки (идеология харизматичного Яна Гуса и победное военное искусство Яна Жижки), но из-за незрелости объективных предпосылок гусизм остался локальным явлением и потерпел поражение. Зато в начале XVI века в «дозревшем» западноевропейском обществе одновременно сформировались сразу два конкурирующих друг с другом реформаторских центра (лютеранство в Германии и кальвинизм в Швейцарии), влияние которых быстро охватило всю Западную Европу, хотя военных гениев среди протестантов вовсе не было.

сле которого в рамках этой институциональной системы в целом можно было идти только вниз. Действительно, советский строй возник как реакция на слабую индустриальную модернизацию страны, с 1920-х он ставил во главу угла внутренней политики именно такую модернизацию (всеобщее среднее образование, урбанизация, доминирование промышленности). Ее завершение к 1960-м исчерпало начальную программу задач этого строя [Нуреев, Латов, 2014].

В странах ядра капиталистической мир-системы тем временем развертывалась научно-техническая революция (НТР). Переход к постиндустриальному (информационному) обществу диктовал принципиально новый набор критериев модернизации (расширение высшего образования, выравнивание развития поселений, внедрение инновационных наукоемких технологий). С требованиями НТР тотально-плановый механизм имманентно совместим гораздо хуже, чем с освоением достижений промышленной революции. Если производство простой продукции относительно нетрудно планировать и контролировать, то запланировать технологическую инновацию практически невозможно. Новое производство требовало массовизации уже не рабочих, а специалистов, работников с самостоятельным творческим мышлением, которые заведомо не будут терпеть имманентного для позднего СССР отчуждения «простых людей» от власти и от собственности. Одним словом, на повестке эпохи был переход от промышленной плановой к наукоемкой смешанной экономике. Это объективно революционная задача, принципиально не решаемая «политикой в обычном режиме».

Итак, запрос на перемены предполагал для советского общества 1960-х годов выбор между великими реформами и какими-либо революциями. Опыт реформ Дэн Сяопина, начавшихся в КНР в 1978 году с более низкого старта, чем в СССР, показывает, что принципиальная возможность перейти к смешанной экономике через великие реформы, сохранив существенные элементы социалистической идентичности национальных правил игры, в ту эпоху была. А опыт «социалистических» стран Восточной Европы конца 1980-х (за исключением Румынии) демонстрирует и что-то очень похожее на тихую революцию. Фактически же демонтаж советского строя произошел спустя 20 лет, на рубеже 1980–1990-х, по сценарию обычной или даже великой революции. Хотя сама революция 1989–1991 годов была практически бескровной, она породила несомненно сильный раскол нашего общества, который потом реализовался в «малой гражданской войне» в Москве в октябре 1993 года (а косвенно — также в последующих двух войнах на Северном Кавказе). Неоднозначность тех бифуркаци-

онных событий выражается в распространенности самых разных их оценок — от «успешной революции» до «предательства элит». Понимание умеренной, мягко говоря, успешности революции 1989–1991 годов является главным стимулом обсуждения ее альтернатив, включая реформу Косыгина.

Почему же косыгинская реформа не стала тихой революцией или великой реформой? Тихая революция в брежневском Советском Союзе заведомо осуществиться не могла. Для такого сценария бифуркационных событий нужна не только готовность власти идти на перемены, но также высокая массовость и сплоченность протестов населения, существенно недовольного действующими правилами игры. В 1960-е в СССР не было и близко ничего похожего. Наоборот, успехи в космическом соревновании (полет Юрия Гагарина в 1961 году) и политическом противостоянии с США (Карибский кризис 1963 года), постепенное улучшение быта (например, массовизация телевизоров, переселение из коммуналок в «хрущёвки») не без оснований рассматривались как доказательство успешности советской модели общества. До поражений СССР в лунной гонке и в Афганистане было еще далеко. Понимание, что наши успехи имеют во многом анклавный характер и категорически не позволяют «догнать и перегнать», а отставание по уровню и качеству жизни остается большим¹³, встречалось только у представителей элитных социальных групп (интеллигенции и бюрократии), причем и для них критическое отношение к советской модели не было типично. Хотя диссидентское движение сформировалось именно в 1960-е, оно и на пике роста в 1970-е годы оставалось крайне малочисленным (несколько тысяч человек) и маргинальным. Поэтому даже если бы, предположим, сам генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев заявил, что надо строить не просто развитой социализм, а качественно новую модель социализма, импортируя из капиталистических стран многие рыночные институты, такой призыв не нашел бы единодушного отклика¹⁴.

Для осуществления в СССР 1960–1970-х годов великих реформ противопозитивных стало меньше, но они тоже были очень серьезными. Прежде всего, для великих реформ нужны не толь-

¹³ «Делая космические корабли, в СССР не могли наладить массовое производство качественных телевизоров, холодильников, радиоприемников» [Лазарева, 2016. С. 468].

¹⁴ В [Лазарева, Маслов, 2025] показано, что даже во второй половине 1980-х годов при обсуждении горбачёвской перестройки мнения советских людей были очень разными. При этом надо учитывать, что к концу 1980-х оснований для критического отношения к «реальному социализму» накопилось заметно больше, чем в 1960-е: это не только поражения в лунной гонке и в Афганистане, но и массовая дефицитность потребительских товаров, усиление инфляции, разочарование в советской бюрократии.

ко великие идеи, но и великие реформаторы с сильной командой единомышленников. Второе, пожалуй, даже важнее первого. Если вспоминать выдающихся реформаторов (Александра II, Авраама Линкольна, Отто фон Бисмарка, Петра Столыпина, Франклина Рузвельта, Дэн Сяопина...), то ни у кого из них не было «дорожной карты» реформ — все работали методом проб и ошибок. Политическому лидеру, решившемуся на реформы, в общем-то достаточно знать общий вектор планируемых изменений, а также уметь подбирать и зажигать своих сподвижников. Японская революция Мэйдзи демонстрирует редкий случай, когда очень успешный коллектив реформаторов вообще обошелся без выдающегося руководителя, умело прячась за спиной императора как чисто формального лидера нации.

Если взглянуть на Косыгина, то распознать в нем потенциал (пусть не вполне реализовавшийся) великого реформатора нелегко, но ведь и Михаил Сергеевич Горбачёв до 1985 года отнюдь не имел репутации сторонника больших перемен. Хуже другое: Косыгин находился в тени генерального секретаря КПСС (современники отмечали, что «хозяйственник» Косыгин и «политик» Брежнев друг друга «не очень любили»), не являлся вполне самостоятельным партийно-государственным лидером и не имел, судя по всему, своей команды (хотя, конечно, у него были специальные сотрудники, которые готовили проект реформы) [Гвишиани, 2004. С. 105; Попов, 2009. С. 204]. Косыгинская реформа считается реализацией прорыночных идей Евсея Григорьевича Либермана, но этот экономист с начала 1960-х профессорствовал в провинциальном Харьковском университете и не привлекался к госуправлению¹⁵. В истории большинства других крупных реформ кроме реформатора-лидера нетрудно заметить «запасных» реформаторов, которые либо тесно сотрудничали с лидером (тандем Петра Аркадьевича Столыпина и Александра Васильевича Кривошеина в 1900-х), либо конкурировали с ним (взаимоотношения Михаила Сергеевича Горбачёва и Бориса Николаевича Ельцина в 1980-х годах). Косыгин же среди советской политической элиты выглядел реформатором-одиночкой. При этом даже среди советских экономистов, обсуждавших в 1960-х идеи Либермана, сторонники решительных рыночных реформ отнюдь не преобладали [Лазарева, 2016. С. 502].

Как видим, субъективные предпосылки превращения косыгинской реформы в великую реформу были небольшими. Но всё же и не нулевыми: можно вспомнить и юношеский коопе-

---

¹⁵ Нельзя не отметить разительного контраста с судьбой теоретиков либеральных преобразований 1980–1990-х годов (Егора Тимуровича Гайдара, Анатолия Борисовича Чубайса или Гавриила Харитоновича Попова), которые смогли хотя бы на время стать видными политическими фигурами.

ративный опыт Косыгина, дополненный постоянной специализацией на хозяйственном (а не партийном) руководстве, и явное наличие у него харизматичных черт, и критичное отношение к утопичной партийной программе перехода к коммунизму. Уместно вспомнить и гипотезу о том, что Брежнев, пока до 1976 года был более-менее здоров, сам являлся «несостоявшимся реформатором»: чувствовал необходимость реорганизации советской модели и, поддерживая (пусть не слишком активно) идею социально-экономических реформ, сознательно «прятался» за спиной Косыгина, чтобы иметь свободу маневра [Попов, 2009. С. 169–188].

Отрицающие революционный потенциал реформы Косыгина указывают на то, что она признавала «ограничения красных флажков государственного социализма» и мыслилась как его ремонт или обновление, а не замена другим строем, а потому «была обречена уже на старте» [Попов, 2009. С. 480]. В качестве контраргумента нужно сказать, что политики-практики совсем не обязательно мыслят категориями обновления/замены общественного строя. Китайский опыт 1970–1980-х годов показывает, как можно успешно перейти из государственного социализма в государственный капитализм, сохраняя не только социалистическую риторику, но и многие социалистические институты (например, фактическую однопартийность и элементы национального планирования). Поэтому у Косыгина и Брежнева не было непреодолимых препятствий для того, чтобы в рамках политики усиления рыночных институтов и реабилитации предпринимательства объявить «реальным социализмом» новый общественный строй, близкий к тогдашним шведской и/или польской моделям. Такой курс на «социализм с российской спецификой», конечно, предполагал определенную ревизию партийной идеологии (сопоставимую с критикой культа личности Сталина на XX и XXII съездах КПСС), но вовсе не требовал отказа от державничества и коммунизма (постиндустриализма) как долгосрочной цели.

Когда объективные факторы относительно уравнивают друг друга, многое зависит от субъективных обстоятельств — от личной воли и от воли случая. Можно построить контрфактический сценарий, что если бы Брежнев ушел из жизни или из политики на десятилетие раньше (в реальности в 1974 году у него был первый инсульт), то Косыгин автоматически превратился бы из второго человека в советском руководстве в первого и его реформаторский потенциал развернулся более успешно. При этом новации, которые были объявлены в 1965 году (снижение числа обязательных показателей плановой отчетности, усиление роли

стоимостных показателей, рост премирования работников за перевыполнение плана и т. д.), оказались бы только самым первым шагом, поскольку они несколько (совсем не революционно) изменяли правила игры лишь внутри старого аттрактора и потому не давали долговременных эффектов¹⁶. Впрочем, в 1970-х годах и такое окно возможностей могло уже не сработать: подавление в 1968 году Пражской весны сильно ограничило возможность даже выносить на обсуждение вопрос о качественном реформировании советской модели.

Поскольку речь идет о необходимости проводить в СССР не обычную, а великую реформу, то для ее успеха необходима опора на массовые политически влиятельные социальные группы. Реформатор успешен лишь тогда, когда силен «не войском, нет, не польскою подмогой», а «мнением народным» (А. С. Пушкин). Правда, под народом в данном контексте надо понимать не всё население, а только политически активную его часть, хотя бы потенциально способную и желающую включаться в борьбу за и против реформ. Поэтому все реформы и революции, направленные на сдвиг от этатизма к рыночной конкуренции (от власти-собственности к частной собственности), должны учитывать в первую очередь интересы двух наиболее заинтересованных социальных групп. Это, с одной стороны, «старые» государственные менеджеры («номенклатура» в широком смысле слова), позиции которых (включая возможности получать личные законные и незаконные выгоды от должности) должны в ходе таких реформ ослабеть, а с другой стороны — «новые» предприниматели, чьи позиции должны укрепиться. И с этой *главной* социальной предпосылкой смены пути развития — с социалистического¹⁷ на путь смешанной экономики — ситуация была сложной.

Применительно к «социалистическим» странам, где предпринимательство (не только как частное использование наемного труда, но и как направленная на максимизацию дохода самозанятость) официально запрещалось или строго ограничивалось, можно даже сказать, что предприниматели в ходе революционной реформы должны сначала возникнуть, но это — преувеличение. На самом деле легальное и теневое предпринимательство в разных формах — от официально разрешенных личных

---

¹⁶ В исследовании [Попов, 2025] убедительно показано, что знаменитый щёкинский эксперимент, считавшийся символом успехов косыгинской реформы, на самом деле имел с самого начала низкий потенциал развития и тиражирования даже безотносительно саботажа плановых органов, не дававших демонстрировать высокое перевыполнение плана и обосновывать повышение зарплат работников.

¹⁷ О том, насколько правомерно считать институциональные системы «стран социалистического лагеря» XX века (СССР, КНР, Югославии и т. д.) действительно социалистическими, есть очень разные мнения даже среди современных марксистов (см., например, [Бузгалин, 2021; Латов, 2021]).

подсобных хозяйств колхозников до незаконной деятельности фарцовщиков и цеховиков — в СССР существовало, пусть и на периферии плановой системы хозяйства, на протяжении всей его истории (см., например, [Латов, 2019]). Крупными бизнес-теневиками становились обычно государственные менеджеры низшего и среднего звена, использующие свое официальное положение для теневого производства и продажи дефицита. Наличие получиновников-полупредпринимателей подсказывало радикальным реформаторам самый легкий путь разгосударствления: предложить наиболее активной части госаппарата обменять их участие в системе власти-собственности на обычную частную собственность. Именно этот вариант приватизации, как известно, стал де-факто основным в России начала 1990-х годов, заложив мину под ее будущее развитие. Поскольку большинство россиян не без оснований считали такую приватизацию нелегитимной (узаконенной коррупцией в особо крупных размерах), то со сменой в РФ высшего государственного руководства власть получила большую свободу рук для политизированного перераспределения крупной бизнес-собственности и даже ее частичной ренационализации. Ожидаемая радикальная смена власти-собственности «нормальной» частной собственностью реализовалась лишь частично, порождая сомнения в революционности отказа от советской модели.

Ситуация середины 1960-х отличалась от реалий середины 1980-х годов тем, что общая тенденция «стекания» власти-собственности с верхних уровней советского государства-класса на нижние уровни [Нуреев, Латов, 2016. С. 131–139] еще не набрала силу. Директорат советских предприятий пока еще относительно жестко контролировался министерским и партийным руководством, среди которого коррупционные связи тоже еще не стали массовыми. Поэтому тогда была, пожалуй, лучшая возможность реализовать путь, по которому позже пошли под руководством Дэн Сяопина китайские реформаторы, — стимулировать индивидуальную трудовую деятельность и предпринимательство «людей из народа» (в первую очередь специалистов), но максимально пресекать перетекание «номенклатуры» в бизнес-элиту. Именно такой демократический вариант приватизации госсобственности прокламировался в СССР рубежа 1980–1990-х годов, но не реализовался.

В то же время попытка перехода к «демократическому капитализму» в 1960–1970-х обязательно наткнулась бы на те же социальные препятствия, как и в 1980-х годах, — на низкую способность «простых советских людей» консолидироваться ради защиты своих интересов и на их высокую подверженность уль-

традиционной риторике самого разного толка (в стиле «не могу поступаться принципами» или «так жить нельзя»). Напротив, «номенклатурная» элита (чиновничество) в брежневскую эпоху встречала попытки либерализации экономики не менее неприязненно, чем 20 лет спустя в горбачёвскую эпоху. По свидетельствам современников, сопротивление исходило в первую очередь не от партийных идеологов, а «от отраслевых отделов и секретарей ЦК по направлениям. По-видимому, они почувствовали, что от них может ускользнуть контроль над экономикой» [Гвишиани, 2004. С. 106]. Поэтому более раннее начало могло в конечном счете скатиться ко всё тому же сценарию «номенклатурного капитализма», который наметился при Горбачёве и окончательно реализовался при Ельцине.

Правда, нужно отметить один объективный фактор, который мог бы смягчить гипотетические советские радикальные реформы 1960–1970-х годов, но в реальности стал фактором сворачивания косыгинской реформы. Во второй половине 1960-х стартовало активное освоение нефтегазовых месторождений в Тюмени, а с 1973 года начался взлет мировых цен на энергоносители. Если бы Косыгину удалось развернуть советские радикальные реформы, то они протекали бы в условиях высоких бюджетных доходов. Это, скорее всего, позволило бы избежать шоков для советских людей и повысить их лояльность к рыночным преобразованиям. Поэтому в мнении Гирша Ицыковича Ханина, что середина 1970-х годов являлась последним периодом, когда пересмотреть экономическую политику СССР можно было еще относительно безболезненно (см. [Лазарева, 2016. С. 547]), велика доля истины. В реальности же резкий рост доходов от экспорта энергоресурсов в начале 1970-х стал аргументом для тех советских политиков и бюрократов, кто считал, что советская экономика неплохо обходится и без всяких существенных реформ.

Заключение

Обобщая рассуждения, можно прийти к выводу о главном недостатке косыгинской реформы, который состоял в том, что она должна была выполнить роль великой реформы («революции сверху»), но по объективным и субъективным причинам не смогла ею стать. В то же время существовали некоторые объективные и субъективные предпосылки, чтобы Косыгин выполнил для СССР ту роль, которую для КНР десятилетие спустя успешно сыграл Дэн Сяопин. Можно предположить, что «Минимально Необходимым Воздействием» была бы замена на посту выс-

шего партийно-государственного лидера Брежнева Косыгиным в 1966–1967 годы, когда косыгинская реформа уже разворачивалась, а торможение, связанное с полузапретом идей реформирования советской модели в контексте подавления Пражской весны, еще не наступило. В [Попов, 2009. С. 169–188] на основе гипотезы о Брежневе как о «несостоявшемся реформаторе» предлагается фактически другой, альтернативный исторический сценарий радикальных реформ, при котором генеральный секретарь, сохраняя здоровье и тягу к реформам во второй половине 1970-х, инициирует с опорой на того же Косыгина новую волну решительных преобразований.

Доказывая обреченность косыгинской реформы, Г. Х. Попов сформулировал четыре фактора, только при наличии которых у нее было бы, по его мнению, будущее:

- реформа поставила бы задачу «выхода из социализма»;
- была бы концепция этого выхода;
- реформа опиралась бы на готовность правящих сил возглавить «выход из социализма»;
- лидер реформы одновременно находился бы во главе государственной пирамиды [Попов, 2009. С. 490].

Этот набор представляется избыточным и неточным. Как показывает опыт КНР, для отказа от сталинской модели социализма, основанной на жесткой централизации и гиперэтатизме, совсем не нужно ставить задачу отказа от социализма и иметь подробную концепцию реформы (такой концепции в общем-то не имели и советские реформаторы 1980–1990-х годов). Поскольку понятие «социализм» имеет широкий спектр трактовок, едва ли не любую современную реформу можно интерпретировать как отказ от одной разновидности социализма в пользу другой. Более важны два последних пункта. Любая крупная государственная реформа по определению тем успешнее, чем более высокий пост занимает ее лидер. При этом политический лидер страны может лично реформы не разрабатывать, а лишь формально одобрять, так что Косыгин при Брежневе в принципе мог сыграть ту же роль, которую в начале 1990-х годов сыграл Гайдар при Ельцине. Первоначально важным с социологической точки зрения является лишь один пункт из перечня Попова: необходимость опоры реформаторов на социальные группы, готовые поддержать радикальные институциональные перемены. Этими группами могут стать как представители «социалистической номенклатуры», так и внеэкономические протопредпринимательские слои. Если бы Косы-

гин смог найти такую социальную опору, его «просто реформа» могла бы стать великой реформой — «революцией сверху».

Таким образом, для того чтобы примерить на Косыгина роль советского Дэн Сяопина, нет категорических противопоказаний. В этой связи уместно вспомнить суждение, что «только те из социальных начинаний в истории страны давали благотворные результаты, которые вырастали из российских реальностей, шли из глубин собственных представлений о добре и зле, прогрессе и регрессе, проистекали из опыта собственной социальной жизнедеятельности, а не навязывались обществу теми или иными мессиями и миссионерами от политики» [Журавлев, 2016. С. 670]. Как известно, россияне за последние полторы сотни лет перебрали едва ли не десяток разных идеологий (от самодержавного монархизма до современного консерватизма), поэтому логично предположить у них наличие *очень* гетерогенных «представлений о добре и зле», в силу которых *любые* великие реформы *любого* общественного строя могут найти в нашей стране как сторонников, так и оппонентов. В то же время у российской цивилизации есть и определенные черты, сближающие Россию скорее со странами Востока (тем же Китаем), чем со странами Запада. Поэтому хотя и говорят, будто история не знает сослагательного наклонения, на самом деле опыт восточных стран может демонстрировать варианты и альтернативы нашего пути развития.

Более ранний (не в 1990-е, а в 1970-е) переход от плановой экономики к смешанной всё равно привел бы к сохранению сильного этатизма, типичного для стран догоняющего развития. Однако он позволил бы опереться на выгодные для нашей страны последствия нефтяных шоков 1970-х годов и, вероятно, ограничить институты «номенклатурного капитализма».

В реальной истории косыгинская реформа формулировалась и реализовывалась, по существу, как «политика в обычном режиме», не предполагающая институционального разрыва и массовой социальной поддержки. Поскольку она объективно ущемляла интересы усиливающихся средних и нижних уровней советской «номенклатуры» (в широком смысле слова), при ее реализации происходило постепенное не развертывание, а свертывание ее и без того невысокого реформаторского потенциала. Нефтяные шоки 1973 и 1979 годов вообще породили представление, что советская модель не нуждается ни в каком серьезном изменении, поскольку благодаря потоку доходов от энергоресурсов она и в существующем виде способна обеспечить Советскому Союзу долгосрочное благосостояние и военно-политическую мощь. Когда же в 1985 году цены на энергоресурсы обрушились, то реформирование советской модели

снова выдвинулось на повестку дня, но при существенно худших условиях, чем в 1965 году. Видимо, косыгинская реформа была всё же именно упущенным шансом на «благополучие для всех».

Литература

1. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX — начала XX в. // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 18–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46.
2. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в СССР: 1921–1985 гг. // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 81–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108.
3. Бузгалин А. В. Социальные силы побед и поражений социализма в XX веке // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 56–66. DOI: 10.31857/S013216250015253-1.
4. Виттфогель К.-А. Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: Центрполиграф, 2024.
5. Гвишиани А. Д. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004.
6. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / под ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. М.: Дело, 2015.
7. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения / пер. с англ. Н. Эйдельман // Логос. 2006. № 5(56). С. 58–103.
8. Журавлев В. В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до наших дней: в 4 т. Т. 4: 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2016. С. 663–671.
9. Зюганов Г. А. Драма власти. М.: Палея, 1993.
10. Лазарева Л. Н. Реформа А. Н. Косыгина: замысел, результаты, следствия // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4 т. Т. 4: 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2016. С. 465–650.
11. Лазарева Л. Н., Маслов Д. В. Эволюция осмысления сталинской экономической модели в реформаторском контексте // Экономическая политика. 2025. Т. 20. № 5. С. 156–189. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-156-189.
12. Латов Ю. В. «Косыгинские» реформы — упущенная возможность «дэнсяопинизации» советского общества? // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 3. С. 424–439. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).424-439.
13. Латов Ю. В. От «революции» — к «трансформациям» и «переменам»? Развитие дискурсов анализа качественных общественных изменений // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 7–22.
14. Латов Ю. В. Феномены денежной реформы 1947 года как проявление двойного дуализма советской экономики (опыт социологического подхода) // Денежная реформа 1947 года и ее роль в восстановлении народного хозяйства СССР / под ред. Р. М. Нуреева, М. А. Эскиндарова. М.: КноРус, 2019. С. 161–180.
15. Латов Ю. В. Финал фальстарта (о катастрофической революции 1991 г.) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 67–77.
16. Латов Ю. В., Нуреев Р. М. «Косыгинские» реформы в контексте советских политико-экономических циклов // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 488–504. DOI: 10.19181/snsr.2021.9.1.7869.
17. Мау В. А. Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
18. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Между «реальным социализмом» и «восточным деспотизмом»: лабиринты институционального экономического развития Советской России // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 3. С. 6–45.
19. Пинкус С. 1688 год. Первая современная революция / пер. с англ. Н. Тартаковской. М.: АСТ, 2017.

20. Попов А. А. Экономические эксперименты в химической отрасли СССР (1965–1970 годы) // Экономическая политика. 2025. Т. 20. № 5. С. 90–121. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-90-121.
21. Попов Г. Х. О революции 1989–1991 годов. М.: Согласие, 2004.
22. Попов Г. Х. Реформирование нереформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М.: Международный университет в Москве, 2009.
23. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
24. Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
25. Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. С. Моисеева. М.: ИД ВШЭ, 2019.
26. Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / под науч. ред. Р. М. Нуреева. М.: Кнорус, 2017.
27. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. С. Л. Русакова и А. Г. Козеева. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
28. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.
29. Энгельс Ф. Роль насилия в истории // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. 2-е изд. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 419–479.

References

1. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v Rossii: voprosy teorii i praktika XIX - nachala XX v. [Economic Reforms in Russia: Theoretical Aspects and the Practice of 19th - Early 20th Century]. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 1, pp. 18-46. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46. (In Russ.)
2. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v SSSR: 1921-1985 gg. [Economic Reforms in the USSR: 1921-1985]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 11, pp. 81-108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108. (In Russ.)
3. Buzgalin A. V. Sotsial'nye sily pobed i porazheniy sotsializma v XX veke [Social Forces of Victories and Defeats of Socialism in the 20th Century]. *Sociological Studies*, 2021, no. 12, pp. 56-66. DOI: 10.31857/S013216250015253-1. (In Russ.)
4. Wittfogel K.-A. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven, CT, London, Yale University Press, 1957.
5. Gvishiani A. D. *Fenomen Kosygina. Zapiski vnuka. Mneniya sovremennikov* [The Kosygin's Phenomenon. Notes of a Grandson. Opinions of Contemporaries]. Moscow, Ekaterina Cultural Foundation, 2004. (In Russ.)
6. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays*. Cambridge, MA, The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
7. Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science*, 2001, no. 4, pp. 139-187.
8. Zhuravlev V. V. Dikhotomiya reform i revolyutsiy v protsessakh modernizatsii Rossii (nekotorye itogovyie suzhdeniya) [Dichotomy of Reforms and Revolutions in the Processes of Modernization of Russia (Some Final Judgments)]. In: *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Reforms in Russia From Ancient Times to the Present Day], in 4 vol., vol. 4, 1917-1991. Moscow, ROSSPEN, 2016, pp. 663-671. (In Russ.)
9. Zyuganov G. A. *Drama vlasti* [Drama of Power]. Moscow, Paleya, 1993. (In Russ.)
10. Lazareva L. N. Reforma A. N. Kosygina: zamysel, rezul'taty, sledstviya [Reform of A. N. Kosygin: Concept, Results, Consequences]. In: *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka* [Reforms in Russia From Ancient Times to the Present Day], in 4 vol., vol. 4, 1917-1991. Moscow, ROSSPEN, 2016, pp. 465-650. (In Russ.)
11. Lazereva L. N., Maslov D. V. Evolyutsiya osmysleniya stalinskoy ekonomicheskoy modeli v reformatorskoy kontekste [Evolution in the Understanding of the Stalinist Economic

- Model in the Context of Reform]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2025, vol. 20, no. 5, pp. 156-189. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-156-189. (In Russ.)
12. Latov Yu. V. "Kosygin'skie" reformy - upushchennaya vozmozhnost' "densyaopinizatsii" sovetского obshchestva? [Kosygin's Reform - A Missed Opportunity of the Soviet Society "DengXiaoping-ization"?]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics]*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 424-439. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).424-439. (In Russ.)
  13. Latov Yu. V. Ot "revolyutsii" - k "transformatsiyam" i "peremenam"? Razvitie diskursov analiza kachestvennykh obshchestvennykh izmeneniy [From "Revolution" to "Transformations" and "Changes"? Development of Discourses of Analysis of Qualitative Social Changes]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 7-22. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7869. (In Russ.)
  14. Latov Yu. V. Fenomeny denezhnoy reformy 1947 goda kak proyavlenie dvoynogo dualizma sovetской ekonomiki (opyt sotsiologicheskogo podkhoda) [Phenomena of the Monetary Reform of 1947 as a Manifestation of the Double Dualism of the Soviet Economy (An Experience of a Sociological Approach)]. In: Nureev R. M., Eskindarov M. A. (eds.). *Denezhnaya reforma 1947 goda i ee rol' v vosstanovlenii narodnogo khozyaystva SSSR [The Monetary Reform of 1947 and Its Role in the Restoration of the National Economy of the USSR]*. Moscow, KnoRus, 2019, pp. 161-180. (In Russ.)
  15. Latov Yu. V. Final fal'starta (o katastrofichesкой revolyutsii 1991 g.) [Final False Start (About the Catastrophic Revolution of 1991)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2021, no. 12, pp. 67-77. DOI: 10.31857/S013216250015525-0. (In Russ.)
  16. Latov Yu. V., Nureev R. M. "Kosygin'skie" reformy v kontekste sovetских politiko-ekonomicheskikh tsiklov [Kosygin's Reforms in the Context of Soviet Political-Economic Cycles]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics]*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 488-504. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3). 488-504. (In Russ.)
  17. Mau V. A. *Revolutsiya: mekhanizmy, predposylki i posledstviya radikal'nykh obshchestvennykh transformatsiy [Revolution: Mechanisms, Prerequisites and Consequences of Radical Social Transformations]*. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2017. (In Russ.)
  18. Nureev R. M., Latov Yu. V. Mezhdru "real'nym sotsializmom" i "vostochnym despotizmom": labirinty institutsional'nogo ekonomicheskogo razvitiya Sovetskoy Rossii [Between "Real Socialism" and "Oriental Despotism": The Labyrinths of Institutional Economic Development in Soviet Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociological Ethnology]*, 2014, no. 3, pp. 6-45. (In Russ.)
  19. Pinkus S. 1688: *The First Modern Revolution*. New Haven, CT, Yale University Press, 2009.
  20. Popov A. A. Ekonomicheskie eksperimenty v khimicheskoy otrasli SSSR (1965-1970 gody) [Soviet Experiments on Material Incentives for Workers in the Chemical Industry (1965-1970)]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2025, vol. 20, no. 5, pp. 90-121. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-90-121. (In Russ.)
  21. Popov G. Kh. *O revolyutsii 1989-1991 godov [On the Revolution of 1989-1991]*. Moscow, Soglasie, 2004. (In Russ.)
  22. Popov G. Kh. *Reformirovanie nereformiruемого. Popytka Aleksey Kосygina [Reforming the Unreformable. Alexei Kosygin's Attempt]*. Moscow, International University in Moscow, 2009. (In Russ.)
  23. Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge, MA, Cambridge University Press, 1979.
  24. Mau V., Starodubovskaya I. *The Challenge of Revolution: Contemporary Russia in Historical Perspective*. New York, Oxford (UK): Oxford University Press, 2001.
  25. Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. New York, McGraw-Hill College, 1978.
  26. Nureev R. M. (ed.). *Upushchenny shans ili posledniy klapan? (K 50-letiyu kosyginских reform 1965 g.) [A Missed Chance or the Last Valve? (On the 50th Anniversary of the Kosygin's Reforms of 1965)]*. Moscow, KnoRus, 2017. (In Russ.)

27. Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT, London, Yale University Press, 1968.
28. Eidelman N. Ya. "Revolutsiya sverkh" v Rossii [*"Revolution From Above" in Russia*]. Moscow, Kniga, 1989. (In Russ.)
29. Engels F. Die Rolle der Gewalt in der Geschichte. In: Marx K., Engels F. *Werke*. Berlin, (Karl) Dietz Verlag, 1962. Band 21. S. 405-461.